

сам себе режиссер

сегодня 70 лет Гии Канчели

Илья Овчинников

Музыка, безусловно, самое абстрактное из искусств, и сочинения Гии Канчели подтверждают это как нельзя лучше: сколько ни стараться «подверстать» к ним ту или иную драматургическую программу, они остаются в первую очередь «музыкой настроения». Тем любопытнее, что в большинстве своем опусам Канчели даны вполне красноречивые и, несомненно, несущие определенную программу названия: «Ушел, чтобы не видеть», «Оплаканный ветром», «Светлая печаль», «Жизнь без Рождества», не говоря уже о заслуженно любимом публикой «Стиксе».

В среде музыкантов нередко приходится слышать, будто наш современник Гия Канчели всю жизнь пишет одно и то же большое сочинение; примечательно, что те же слова зачастую говорят по поводу еще одного знаменитого симфониста, жившего

столетие назад, — Густава Малера. Попытаемся понять, почему два, казалось бы, столь несхожих композитора удостаиваются в наши дни подобной оценки. Действительно, цикл симфоний Малера подобен многосерийному фильму. Хотя музыке

как никакому другому из искусств противопоставлены вульгарные толкования, любое из малеровских полотен вызывает невольные ассоциации с неким грандиозным спектаклем, в котором без труда видишь героев и их судьбы.

Музыка Гии Канчели с поправкой на минувшее столетие ничуть не менее «зрима» — не случайно ее автор много работал для театра и кино. В отличие от Малера, писавшего симфонии всю жизнь, Канчели давно завязал с этой формой, назвав Седьмую симфонию «Эпилог». С тех пор Канчели предпочитает не давать своим опусам жанровых определений, довольствуясь именами собственными. Впрочем, природа его музыки уже в течение полутора-двух десятилетий остается неизменной: злопыхатели утвер-

ждают, что композитор действует по методу «кнута и пряника», с потрясающей быстротой сменяя лирику громом, мучая слушателя неожиданными контрастами между почти полной тишиной и неожиданными оркестровыми «взрывами». Однако если иным сочинениям Канчели не хватает цельности, то в лучших его опусах, таких как «Оплаканный ветром» и «Стикс», калейдоскопичность становится единым целым.

Подобная манера может нравиться или не нравиться, однако это фирменный почерк композитора, который вряд ли спутаешь с любой другой музыкой. «Я сам являюсь режиссером, хореографом, автором сценария, постановщиком, композитором, осветителем. Это уже мой спектакль», — говорит Канчели о своей «тихой, медленной музы-

ке». Примечательно, что схожим образом ее воспринимают и исполнители; так, накануне фестиваля музыки Канчели, прошедшего три месяца назад в Тбилиси, дирижер Лев Маркиз рассказывал автору этих строк: «Понастоящему сочинение Канчели становится музыкой, когда возникает определенная атмосфера на сцене. Для меня «дирижировать» по отношению к его музыке — не совсем точный термин: скорее тут нужно быть режиссером». Кстати, именно Лев Маркиз был первым европейским музыкантом, от которого Канчели получил официальный заказ, покинув постсоветское пространство. Это было в начале девяностых, а теперь Гия Канчели регулярно издается на престижной фирме ECM и нагружен заказами на много лет вперед.